

— И ещё, — Ци Юньхэн поднял руку, показывая, что дело ещё не закончено. — Законы могут меняться, но ритуалы остаются неизменными. Императорский супруг стал моей супругой после того, как я объявил об этом Небу и предкам, и он заслуживает того, чтобы разделить со мной все мирские почести. Господин Хун — всего лишь чиновник пятого ранга, какое право он имеет оскорблять его? Этот поступок — явное нарушение иерархии, и даже если он не является преступлением, это крайне неприлично! Если не наказать его, это не послужит уроком для других, чтобы они не повторяли подобного! Министр Ми...

— Я здесь! — министр кадров Ми Су поспешно вышел вперёд.

— Лишите господина Хуна всех должностей и изгоните из столицы, больше никогда не нанимайте его!

— Слушаюсь!

Ми Су сразу же повернулся, подошёл к господину Хуну и лично снял с него чиновничью шапку.

Два императорских гвардейца, дежуривших в зале, подошли, заткнули рот господина Хуна, схватили его за руки и поволокли к выходу.

Все чиновники в зале одновременно ахнули.

Лишение должности и изгнание — это ещё ничего, но слова «больше никогда не нанимайте» полностью уничтожили карьеру этого человека. Это было хуже, чем тюрьма или ссылка, и заставило чиновников вздрогнуть от страха.

Однако никто не осмелился выступить вперёд и попросить за него.

Во-первых, решение Ци Юньхэна было справедливым. Нарушение иерархии — это большой грех в чиновничьей среде и табу для императорской семьи. Ци Юньхэн не требовал его смерти, а лишь лишил его должности, не причинив физического вреда, так что просить было не о чём. Во-вторых, действия господина Хуна явно были направлены на то, чтобы за счёт оскорбления императорского супруга прославиться. Это было настоящим лицемерием. Настоящие умные люди презирали его, а настоящие справедливые чиновники не уважали. Если бы не удар Оуяна, который был более жестоким и вызывающим, гражданские чиновники не стали бы так единодушно выступать против него, и, возможно, нашлись бы те, кто вступился бы за господина Хуна.

Но Оуян никогда не думал о том, чтобы наладить отношения с чиновниками.

Независимо от того, был ли он императорским супругом или императрицей, он всё равно принадлежал к императорскому гарему. А гарем не должен вмешиваться в политику, так зачем ему связываться с чиновниками?

Обвинение в высокомерии не было чем-то серьёзным, максимум — выговор, штраф или домашний арест, что было не больно. Но если бы его обвинили в сговоре с чиновниками и государственной измене, это могло бы привести к настоящей катастрофе.

Оуян чётко понимал, на чьей он стороне. Для него мнение чиновников было неважным, а вот мнение Ци Юньхэна было действительно важным. Даже если он не слишком нуждался в поддержке Ци Юньхэна, иметь опору было куда приятнее, чем быть беззащитным.

Например, сегодня, не сделав ничего, он получил идеальную поддержку от Ци Юньхэна, который уладил всё за него.

Как только инцидент с Оуяном был исчерпан, большая аудиенция вернулась к своему обычному порядку.

Сначала началось распределение наград, присвоение титулов и корректировка должностей.

Когда каждый, кто оказался на правильной стороне и поднял правильный флаг, получил свою долю победы, гражданские чиновники начали обсуждение вопросов, касающихся экономики и благосостояния народа.

Как говорится, весь мир одинаков.

Все крупные собрания разумных существ сводятся к процедурам и ритуалам. Истеричные споры, грязные или дорогие сделки — всё это завершается до начала собрания. Лишь изредка появляются случайные голоса, которые звучат как предсмертные крики побеждённых: «Я подчиняюсь решению организации, но организация должна помнить, что я сохраняю своё мнение по этому вопросу, и, возможно, в следующий раз удача повернётся ко мне!»

Сначала Оуян ещё прислушивался, мысленно комментируя происходящее, но вскоре потерял интерес из-за банальности и скучности, переключив внимание на дрему.

Лишь в самом конце большой аудиенции Оуян снова оживился, потому что Ци Юньхэн наконец затронул тему отстранения супруги Сунь и публично объявил, что Ци Юйси на самом деле была принцессой, а не принцем.

Это уже было известно среди чиновников, и их реакция была скорее показной, чем искренней. Однако наказание для семьи Сунь было весьма интересным и даже зловещим.

Ци Юньхэн не обвинил семью Сунь в государственной измене, а лишь упрекнул их в плохом воспитании дочери, лишил их должностей и приказал всей семье вернуться в родные края, чтобы у могил предков хорошенько подумать над своим поведением.

Но по сравнению с последним ударом всё это было ничто.

Ци Юньхэн, ссылаясь на поговорку «Если сын не воспитан, виноват отец; если дочь не воспитана, виновата мать», приказал отцу супруги Сунь понизить статус своей жены до наложницы и жениться на другой, более достойной женщине.

По мнению Оуяна, этот последний пункт был настоящим злом, позволяющим разрушить семью, не пролив ни капли крови. Однако такой подход не соответствовал стилю Ци Юньхэна, и, скорее всего, это была идея кого-то другого. Но поскольку Ци Юньхэн согласился с ней, видимо, он действительно ненавидел семью Сунь до глубины души и хотел заставить их страдать, даже если не мог их убить.

Поскольку у Оуяна не было никаких связей с семьёй Сунь, он не собирался ни защищать их, ни нападать на них. Он лишь хотел после большой аудиенции спросить Ци Юньхэна, кто придумал такую злую шутку.

Однако большинство чиновников считали, что такое наказание было чрезвычайно милосердным — ведь они остались живы, а значит, могли снова подняться. Более того, принцесса, связанная с семьёй Сунь кровными узами, осталась невредимой, и, если бы они

смогли снова женить её на ком-то из семьи, богатство и почести вернулись бы сами собой.

Поэтому наказание семьи Сунь не вызвало возражений среди чиновников, и лишь несколько из них воспользовались моментом, чтобы предложить провести смотр невест для пополнения императорского гарема.

Ци Юньхэн не стал давать прямого ответа, а вместо этого спросил министра финансов Вань Шаня:

— Министр Вань, может ли Министерство финансов выделить средства на смотр невест?

— Ваше Величество, сейчас страна восстанавливается, и деньги нужны везде. Казна почти пуста, и даже на текущие расходы министерств средств едва хватает, не говоря уже о том, что нужно оставить часть на случай стихийных бедствий. — Вань Шань посетовал на трудности, а затем добавил:

— Если я не ошибаюсь, Ваш дворец также ещё не отремонтирован, и даже если осенью поступят налоги, в первую очередь нужно будет позаботиться о Вашем жилье.

Короче говоря: денег нет!

— Я понял, министр Вань, вы хорошо поработали. — Ци Юньхэн кивнул, а затем обратился к чиновникам, предложившим смотр невест:

— В этом году больше не поднимайте вопрос о смотре невест.

Нет денег — значит, нельзя заводить наложниц. Причина не самая приятная, но и возразить было нечего.

Чиновники могли лишь недовольно согласиться и вернуться на свои места.

Однако Ци Юньхэн не стал заканчивать на этом, изменив тон:

— Кстати, пополнение гарема — это моё личное дело, и изначально не следовало использовать государственную казну и налоги для этого. Это не только разоряет народ, но и вызывает панику среди людей, давая возможность недобросовестным лицам наживаться. Я считаю, что смотр невест должен быть организован Министерством ритуалов, и в него должны попадать только дочери чиновников и дворян, причём с согласия их самих и их семей. Министр Цзи, Министерство ритуалов возьмётся за это?

— Ваше Величество, это действительно обязанность Министерства ритуалов, и мы, конечно, не откажемся. — министр ритуалов Цзи Хун сразу же вышел вперёд.

— Я рад это слышать. — Ци Юньхэн кивнул, закрывая тему смотра невест.

Затем он объявил, что в пятнадцатый день первого месяца проведёт церемонию жертвоприношения, чтобы помолиться за четырёх принцев и принцесс и за благополучие императорской семьи, и пригласил всех чиновников присутствовать.

Церемонии жертвоприношения всегда организовывались Министерством ритуалов, и Цзи Хун не высказал возражений, что означало, что он уже обсудил это с Ци Юньхэном и пришёл к соглашению. Кроме того, это не касалось основ государства и не затрагивало интересов чиновников, так что все просто выслушали и не придали этому значения.

Но когда евнух Вэй уже вышел вперёд, чтобы объявить «Есть ли ещё доклады? Если нет, аудиенция завершена», один из чиновников в синей мантии четвёртого ранга внезапно встал.

— У меня есть доклад!

С этими словами весь зал замер, и все взгляды устремились на этого чиновника четвёртого ранга.

Потому что его доклад не был запланирован.

— Говорите. — Ци Юньхэн слегка нахмурился.

<http://bllate.org/book/16203/1454431>